

АВГУСТ

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН В ШКОЛЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ...

Промышленность и художественное образование

Много лет императорское Общество поощрения художеств ждало реформы как в самой системе управления Общества, так особенно в жизни существующей при обществе школы.

За многолетнее существование школа дала много образованных художественно людей, но много ли из них принесли пользы русской художественной промышленности?

Прямое назначение школы – давать людей художественно образованных для промышленности – почти совсем не достигалось, и благодаря тому только, что в обществе царил дух бюрократического управления и преподавания, дух, как известно, с областью художественного творчества не имеющий ничего общего.

Теперь, с уходом директора Сабанеева, в управление Обществом вступает молодой художник г. Рерих.

- Удастся ли г. Рериху вдохнуть молодую свежую струю в жизнь школы и Общества? – спросил я одного художника-преподавателя из Общества поощрения художеств.

- На это утвердительно пока ответить нельзя, но всё-таки можно думать, что г. Рерих сделает многое то, чего ждёт школа. По крайней мере, за это говорит уже то обстоятельство, что г. Рерих в настоящее время изучает за границей постановку художественно-промышленного образования.

- Что же нужно для успешной и полезной работы школы?

- Прежде всего, необходимо отрешиться от царившей всё время тенденции давать в Обществе и его школа чисто художественное образование, а нужно помнить, что наша так ныне страдающая промышленность крайне нуждается в работниках с художественным образованием, исключительно применимым к промышленному производству.

- Чтобы быть вечным поэтом красок и тонов, - для этого существует Академия художеств, откуда с лёгкой руки И.И. Толстого вышло много так называемых «чистых» художников, в большинстве случаев сидящих без дела. Императорское же Общество поощрения художеств должно давать художников-промышленников. Только при наличии последнего условия Общество поощрения художеств будет служить интересам русской художественной промышленности, а последняя не будет вынуждена прибегать к заграничным образцам, чуждым русской самобытности.

-- И, кроме того, - закончил собеседник, - будет гораздо меньше голодающих художников, хотя бы и не совсем «чистых» с точки зрения чистого искусства.

Петербургский листок. 1906. 4/17 августа. № 211.

3/16 августа 1906 г.

Хроника

Народные художественные картинки

Комитет первого дамского художественного кружка приступил к собиранию материала для издания альбома художественных открыток. Оригиналы для картинок пишутся художниками – Билибиным, Рерихом, Зарубиным, Беренштамом и другими. Стоимость альбома не будет превышать пятидесяти копеек; в нём будет воспроизведено около тридцати картинок.

Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 3/16 августа. № 168.

3/16 августа 1906 г. – День рождения Юрика Рериха (4 года)

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Вот Юрий, который начал самоучиться читать и писать в самых ранних годах, написал свою первую поэму, которая начиналась: «Наконец, я народился». А затем рассказывалось о каком-то путешествии на верблюдах. Тогда все мы читали такие записи с любопытством, думая, откуда у четырёхлетнего, если не трёхлетнего, малыша непременно верблюды; а ведь теперь никто не сказал бы, что такое воображаемое путешествие на верблюдах не было бы ко времени».

(Н.К. Рерих. Ко времени, 1935 г.)

3 августа 1906г. Бологое.

Письмо <П.А. Путятина> к Рериху Н.К.

3-е Августа 1906г.

Дорогой родной Николай Константинович!

Вы, кажется, думаете, что мы все погибли, но газетам нельзя, в особенности заграничным, придавать какое-либо значение - в них много натянутого и несправедливого в лучшем смысле этого слова, а в худшем - лжи. Мы все в Бологом и, слава Богу, за исключением мелочей, чувствуем себя спокойными. Все наши здоровы. Только беспокоились, что от вас долго нет весточек, в особенности Дуня беспокоилась о Кате и малышах, да и о вас были думы. Случайно встретился с Беклимешевым, который, скажу по секрету, тоже не партизан Зизи Саша Бенуа. Мы говорили о вас и о том, чтобы сблизить искренно любящих искусство для Труда, пользы и научного светоча, он очень симпатично говорил о Вас.

Насчёт Мазаччио (Мазо) могу сказать только одно, его сравнивают с Донателло (1383-1461), тот был первый, который рассеял мрак средневековья живописи и дал жизнь фигурам, второй, как вы знаете, был высок по скульптуре. Многое зависит от состава красок и светотени, в особенности при условии столетий. Во всяком случае, он был великий учитель. Жалко, что им не пришлось побывать в Сиене, по снимкам и рассказам - это непростительно.

Кафедральный собор Тен в своём путешествии называет поэмой. Купель украшена барельефами Донателло, Джиберти, Джакомо делла Кверцции, Джованни де Турино и др.: Микеле Анджело тоже вложил свою лепту, поместив 4-ре статуи Св. Павел, Св. Петр, Св. Григорий и Св. Пий. <...> с XIV столетия <ряд> шедевров и, бесспорно, собор принадлежит к лучшим произведениям эпохи возрождения. Затем <знаменитая> часовня Св. Екатерины с фресками Содомы (1477-1549) и других знаменитых художников.

Сиенская библиотека с чудными фресками Пинтуриккио, Академия Художеств до 600 картин и фресок, там превосходное снятие со креста Содомы и др. Дворец Толомеи, дв. Сарацинов, дв. Magnifico, Loggia dei Nobili XV века, фонтан Жакомо делла Кверцция со статуями и пр., пр. Одним словом, мало пока знаем колыбель живой скульптуры полка художественной славы. Но помня об искусстве, перенесёмся в археологию. Очень меня порадовало известие о гроте, и я жду радостно повидать вашу находку. Странно, что Шеин не обратил внимания на орудия. <Ретушь> ещё не признак, ранее <ретуши> существовали орудия грубых изломов. Вы пишете об бароне Штейнгеле, очень бы был рад сблизиться с ним, так как меня интересуют глинистые класты, и я мог бы ему выслать образцы. Теперь я занят изучением остатков животной и растительной жизни в кремнях. Результат хочу проверить в Петербурге, а теперь только отбирал экземпляры для анализа. Что поделаешь, видно, у нас с вами одна судьба, то есть существуют милые приятели, завистливые учёные, политиканы и пр., не поддержку встречаешь, а бойкот - этот подлый Термин. Извините за выражение об этом новом <произведении> искусства.

По книгам и по поздравительным письмам я узнал о почётном назначении, но до сих пор официально ничего. Только знаю, что были справки – и молчок. Но Бог с ними, на старости лет я работаю для науки, а остальное им же будет стыдно. Как вы поживаете, что крестник, Ляля, Светик, Катя?

Все наши Вас сообщая целуют, а я Вас от души обнимаю – как и люблю неизменно.

Ваш сердцем любящий

[Князь П. Путятин]

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1127, 2 л.

5 августа [1906 г.]

Письмо Щербатова С. к Рериху Н.К.

Нара 5 Августа

Милый друг,

Ужасно опоздал с ответом, но не ругай меня, как-то очень не писалось среди всей окружающей меня <...>. Рядом со мной в нём бушевала грандиозная и упорная забастовка, митинги, речи и пр., ко мне ежедневно валила толпа, между прочим, в один день две с половиной тысячи народа с просьбами и жалобами на фабричные порядки, хотя моё дело - дороги, но вся прелесть этой бури, конечно, не могло переиграть и мою жизнь в моей тихой и зелёной норе. Очень трудно работается, не знаю что будет дальше. Раньше осени, думаю, не придётся ехать, в ноябре думаю поехать на месяц в Грецию и Константинополь, а зиму проведу в России. –

Здесь многие говорят о Дягилевской выставке в Париже. Много ли ты пошлешь своих вещей? Я послал Вел. Князю список и ничего не посылаю.

Слишком не верю в обращение Дягилева с чужой собственностью, а порча моих картин меня бы привела в отчаяние. –

Получил фотографии скульптур Траубенбера, я нахожу это очень хорошо. Не правда ли? Я совершенно не улавливаю настроения Твоего путешествия, по-видимому, оно очень кочевое, сопряжено ли оно с работой, или только абсорбируешь темы впечатлений? Твой восторг от примитивов всеми силами своей души разделяю. Они внесли <...> в искусстве, <..> -как-либо были! У меня осталось только может <...> к ним, и больше ни к чему в эти <...> не переходяща. Очень меня интересует твоя будущая деятельность в Обществе. Можно ли, т[ак] с[казать], убить ли, чем воскресить его из глубокого сна?

Не знаю, куда тебе писать - рискую [на]последний Твой адрес, но как <то...>. что ты <...> махнул куда-ниб. в другое место.

В Москве усиленно работается панно для Московского Трактира Лансере - ренессанс русских трактиров. Пока и то хорошо. Локкенберг помощник. Видал ли работы последнего, какое Твоё мнение? – Пиши, когда думаешь быть в Питере. Крепко жму твою руку. Жена вот кланяется

Твой *Сер. Щербатов.*

Глубокий поклон твоей жене.

Отдел рукописей ГТГ. ф.44/1511. 2 л.

7/20 Августа 1906 г. Париж

Письмо М.К. Тенишевой к Рериху Н.К.

2, RUE OCTAVE FEULLET PARIS

20 августа 1906 г.

Добрейший Николай Константинович,

Посылаю вам с этим письмом условие осеннего сезона и бланк, на котором вы собственноручно должны поименовать те картины, кот[орые] вы желаете выставить с описью их и названиями. Можно представить не более десяти картин и жюри само решит, какие оно именно примет. Картины должны быть представлены на выставку не позднее 10-го Сентября, т.е. 10, 11, 12-го происходит жюри. После 10-го их уже больше не принимают. Вы всё-таки пошлите этот бланк с заявлением, потому что к этому времени картины могут прибыть, и я тот час же их отправлю на выставку. Что-то наша поездка не ладится опять; кажется, сюда собирается приехать моя дочь, жду от неё окончательного решения. Кроме того, мне очень хочется, чтобы ваши картины появились, наконец, в Париже и, так как времени осталось мало, то уж лучше не разбрасываться и сделать всё возможно лучше. Эх, если бы вы хоть на денёк приехали бы сюда! Кроме удовольствия видеть вас и о многом переговорить, вы бы и с картинами, многое бы порешили. Право, это вам стоит катнуть на один день!

Я теперь понимаю отчего я никак не могу встретиться с Щербатовым, вероятно, Бенуа всё делает, чтобы этого знакомства не свершилось. Так это странно, мы так много друг о друге слышали с Щербатовым и всё нам не удается познакомиться.

Жму дружески вашу руку, и шлю мой сердечный привет Елене Ивановне.

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1363. 2 л.

8/21 августа 1906 г. Монреаль.
Письмо С.К. Маковского к Н.К. Перуху

The Windsor Hotel.

Montreal 21 Aug. 1906 г.

Дорогой Николай Константинович,

Пишу тебе в Villars; надеюсь, что оттуда письмо перешлют по адресу. О впечатлениях – всего несколько слов: Америка превосходит все ожидания. Новый мир. Новые люди. Новая культура *in spe* [лат. – в надежде (ред.)] – несомненно. Наши обычные, европейские идеи об «американизме» – ложны. Мы привыкли видеть в Америке – какое-то грозящее продолжение Европы. Неправда. Европа стареет, идёт к концу. Америка возрождается. В Культуре, которой гордится Европа, – символы конца. Варварство Америки – начало. Вот почему в Америке ещё нет Искусства (действительно нет, *воздух чист!*, но есть бессознательное тяготение к своеобразной, новой эстетике, – не к нашей европейской утончённости, сквозящей слабонервным мистицизмом и пресыщенными мечтами, но к эстетике новой жизни, – жизни больших промышленных центров, громадных фабрик, гигантских мостов и гостиниц в тридцать этажей.

От типичности этой жизни человечество отказаться не может. Вопрос только в том, как применится к ней новое искусство... Словом, в моих мыслях о «путях красоты произошёл положительный переворот. Ты понимаешь? Одно из двух: или изжитого искусства больше не будет, а будут только одинокие мечты полу-непризнанных художников, бесплодно тоскующих о «лучших временах» – или искусство родится здесь, среди молодой, отважно-энергичной, красивой, варварски-прямолинейной расы «Янки».

А Россия? Россия – самая европейская из Европы, самая противоположная Новому Свету; Россию без всяких усилий скушают даже немцы. На этом поставлю точку. Слишком о многом хотелось бы сказать. Но где взять время? И так летаем из одного города в другой, успевая только почувствовать «запах нового места». Из соображений климатических решили проехать по Канаде. Были в Albany, Buffalo, Niagara – Fall (водопад – непостижимо прекрасен), Toronto. Сегодня из Монреала едем в Квебек (столицу Канады) и затем – через Бостон и Кембридж – обратно в Нью-Йорк.

26 н.с. отплывает наш пароход – Pensilvania. 3 Сентября – 8: Париж. Следовательно к 1 Сент. с. г. с Июля я буду обратно в России, если только надо. Разумеется, я бы остался ещё хоть две недельки «в Европе» с наслаждением, но это будет зависеть от дальнейших «событий» в России (кстати, о них не слышно здесь).

О твоих картинах ничего не могу сказать утешительного. По-моему надо просто поставить крест. Вот положение: По законам Америки картины подлежат пошлине, которая взимается с назначенной стоимости их таможней – или на границе, или после продажи. Гринвальд, заключив второе условие, назначил на картины очень большие цены. Картины не продавались. Тогда он устроил аукцион, который провалился. Несколько картин ушло за бесценок. Таможня, заинтересованная в получении пошлины, вмешалась, впутала русское консульство и началось дело. Но консульство, не имея доверенности от художников, не могло отобрать картины от Гринвальда, который продолжал оставаться доверенным лицом (в Америке же, административным порядком ничего нельзя сделать). Остановив продажу картин, русское консульство

только сыграло в руку Нью-Йоркской таможне, которая, упаковав картины и спрятав их в своёпомещение, обратилась в кредитора художников на несколько тысяч долларов (доллар – 2 рубля). Гринвальд тем временем взял у кого-то под залог картин порядочную сумму денег и удрал с фальшивым паспортом в Париж (?). Таким образом, у картин явился ещё один претендент, кредитор Гринвальда, м.б., и не один. Затем; таможня обязана ждать уплаты долга один год. После этого она распоряжается картинами, как собственностью.

Из всего этого вытекает следующее: Чтобы получить картины обратно из Таможни, надо: 1) быть доверенным лицом от всех художников, вместо Гринвальда (его доверенность уничтожается), 2) надо внести долг в таможню за упаковку и сохранение картин (несколько тысяч долларов!), 3) надо представить свидетельство, что картины отсылаются обратно в Россию и этим освобождаются от пошлины. Я видел здешнего консульского адвоката. Это его мнение.

Сам Гринвальд вряд ли может что-либо сделать теперь. Таким образом, выделить твоё дело из общего невозможно. Чтобы спасти картины, надо найти богатого человека, который бы взял на себя расходы, или заставил заплатить консульство. Но как? Дела Велихова более удачны. Почва подготовлена. Но окончательно нельзя было решить ввиду неопределённости дел в России. Он тебе кланяется дружески.

От нас обоих передай, пожалуйста, привет Елене Ивановне и поцелуй детей и ручку у Екатерины Васильевны.

Жду ответа в Hotel de la Gr. Bretagne.

Не забудь написать адрес кн. Тенишевой.

Твой Сергей

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/945, 3 л.

Из архива Н.К. Рериха:

Статья И.И. Лазаревского «Из художественной летописи» (1906 г.)

Вверху синим карандашом надпись:

Дорогому Николаю Константиновичу на прочтение и замечания
ИЛазаревский

9/VIII 06.<...>

ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛЕТОПИСИ.

Самым острым вопросом в художественной жизни в настоящее время является вопрос о преобразовании нашей академии художеств, учреждения в том положении, в котором оно находилось за последние года, никому ненужного и совершенно бесполезного.

В Академии художеств в продолжение целого ряда лет наша художественная молодёжь находилась под гнётом чиновников-профессоров, систематически убивавших всё живое, искреннее и непосредственное в тех молодых людях, которые шли к ним в слепой надежде найти у этих профессоров и помощь, и указание; вместо того они встречали сухое официальное отноше-

ние, нежелание понять и разобраться в индивидуальных чертах молодого дарования. И не мало художников, несомненно даровитых, но слабых духом и характером, поддавались гнетущему влиянию профессоров, обезличивались, с первых же шагов безнадежно разменивались на мелочи. Все те художники, которые заняли видное место в нашем современном искусстве, художественное и общее образование получили вне академических стен, самостоятельной упорной работой в мастерских иностранцев-художников.

Наша академия художеств в полном упадке. Ученические выставки – яркое и неоспоримое доказательство этого; на ученических выставках мы встречаем неуверенный, слабый рисунок, шаткое плохое знание перспективы, сбивчивое представление об анатомии, дряблость, шаблонность и полнейшую неинтересность композиции.

В настоящее время при академии художеств образована особая комиссия, которой поручили разобраться в современном положении дела художественного образования в академии, переработав устав и правила о приёме молодёжи в академию. В состав этой комиссии, насколько нам известно, входят те же художники, которые своим отношением к делу привели академию художеств к теперешнему упадку, поэтому мы не верим в продуктивность комиссии, если не оправдаются слухи, что в число её членов, по настоянию некоторых энергичных и действительно любящих искусство людей, будут приглашены молодые художники, завоевавшие почётные имена, равно как и зарекомендовавшие себя художественные деятели.

В надежде на то, что слухи эти оправдаются, в настоящей статье я позволю себе привести несколько соображений по важному вопросу реформирования нашей академии художеств, считая, что в этом деле каждый, соприкасающийся с искусством, должен внести свою крупицу.

Приступить к реформе общественного образования придётся очень издавна: с капитальной реорганизации школ живописи, подведомственных академии художеств, которые рассеяны по всей России. Из этих школ теперь выходят молодые люди, почти сплошь не умеющие рисовать, иначе сказать, художественно-неграмотные. Академия же, по своему хорошему и широкому уставу 1893 года, должна принимать в высшее художественное училище тех людей, «вполне подготовленных и способных к прохождению высшего художественного курса». Но так как вполне подготовленных не оказывается, то академическому начальству приходится идти на компромисс, принимать молодых людей неподготовленных и неспособных и лишь задерживать в натуральных классах, хотя, по точному толкованию академического устава, в натурном классе ученики не могут оставаться более двух лет. И для того, чтобы в натурные классы приходили молодые люди, умеющие рисовать, надо коренным образом изменить современные программы рисовальных школ, в которых теперь учеников мучают скучнейшими гипсами, совершенно ненужными заливками тушью и громаднейшими рисунками пером и карандашом. Рисовальные школы дают слабые и поверхностные знания, а школьные наставники своим отношением к делу, таким же строго официальным, какому они научились в своей alma mater, угнетают нашу художественную молодёжь, держат её фантазию и личную волю в узких рамках классных программ. Результат получается самый плачевный. Ни рисунка, ни умения разобраться в красках и перспективе, - ничего этого нет у оканчивающих рисовальные школы.

И с таким-то скудным багажом молодёжь входит в академию художеств и начинает работать в натурном классе. Тут опять-таки её встречает отношение, мало чем отличающееся от того, к которому она привыкла в школе. Преподаватели сами рисунком не блещут, и не умеют или не хотят заинтересовать и увлечь делом молодёжь. Между тем в натуральных классах надо рисовать и рисовать, надо приучаться схватывать характерное, рельефное.

К сожалению, в академии дело поставлено не так. По три недели сидят над одним и тем же рисунком, невольно вымучивая его. Необходимо не только чаще менять натуру, но и обратить самое серьёзное внимание на домашние работы учеников, на рисунки и наброски тех типов и сцен, с которыми молодые художники сталкиваются непосредственно в жизни. Академические наставники этого никак не хотят признать и на домашние работы смотрят нехотя и отнюдь не поощряют их. Натурный класс – это класс художественной грамоты, а потому на него при реорганизации всего дела надо обратить внимание в первую голову. Необходимо привлечь туда талантливых людей, главное хорошо рисующих, художественно-образованных, любящих дело и могущих увлечь работой свою аудиторию и заставить относиться к делу внимательно и любовно.

После натурального класса ученики переходят в мастерские. Тут, как гласит устав, молодёжь «переходит к самостоятельным занятиям под руководством избранного каждым учеником профессора». Ученик поступает в мастерские с самыми скудными познаниями, а устав говорит, что ему надо «сосредоточиться в разработке художественной темы, избранной им самим, и на исполнении на эту тему художественного произведения». Но что тут может самостоятельно поделаться совершенно неуравновешенный ученик? Он и бродит ощупью, незнакомый со всей сложностью и трудностью «композиции», до многого доходит сам, а в результате – плохие и год от года понижающиеся в художественном уровне конкурсные выставки.

В академических мастерских дело поставлено из рук вон плохо. Тут реорганизация должна начаться с самих профессоров-руководителей. Пейзажную мастерскую ведёт профессор Киселёв, жанровую – Вл. Маковский, Кардовский и до самого последнего времени – Репин, батальную – Рубо, скульптурную – Беклемишев и гравёрную – Маттэ. Из них лишь недавно ушедший Репин, Кардовский и Маттэ – живые, энергичные и талантливые профессора-руководители, хотя у Репина, как профессора, был серьёзный недостаток, который, хотя и искупался многими положительными данными, не мог не действовать пагубно на молодёжь – это его постоянное захваливание даже посредственных ученических работ. Но это в скобках.

Что же касается профессора Киселёва, то он когда-то написал несколько хороших и интересных пейзажных работ; теперь же это человек очень пожилой, воспитанный на идеалах передвижников и верный им доселе, тогда как искусство шагнуло далеко вперёд с того времени, когда передвижники имели значение. И получается такое положение, что ученики мастерской Киселёва заканчивают своё художественное образование вне стен академии, развиваясь или совершенно независимо от своего профессора, или тратя затем немало времени, чтобы избавиться от того «налёта», который неизбежно даётся молодому дарованию отношением профессора-руководителя.

Мастерская жанриста Вл. Маковского за всё время своего существования не выпустила ни единого художника, на которого можно бы было указать как

на интересного, выдвинувшегося далеко вперёд из числа «классных» художников, оканчивающих академию. Все те художники, что вышли из академических стен и заняли видные места в нашем молодом искусстве, - все они из мастерской Репина и Кардовского. Единственно отрадное впечатление получается от гравёрной мастерской, которую бережно и любовно ведёт талантливый В.В. Маттэ, художник, воспитавший ряд чудеснейших гравёров и высоко поднявший у нас искусство гравирования крепкой водкой.

Я не стану и говорить о современном положении батальной мастерской. Предоставляю судить о целесообразности ведения мастерской профессором, который большую часть года проживает где-то за границей, кажется, в Мюнхене, и заглядывает в свою мастерскую в редкие наезды в Россию.

В таком положении мастерские академии художеств долгие годы находиться конечно, не могут. Первое, что надо изменить – это существующее теперь назначение профессоров руководителей чуть ли не исключительно за выслугу лет. На ответственном месте руководителей мастерских нужны не старцы, живущие преданиями прошлого, не усталые люди; здесь нужны энергичные художники, талантливые и чутко относящиеся к движению искусства, а главное – люди культурные и образованные.

К сожалению, нужно сознаться, что образование, это – Ахиллесова пята подавляющего большинства русских художников. И тут опять-таки виной наша академия художеств. История искусств в академическом преподавании сделалась таким «предметом», от которого молодёжь бежит за три версты; аудитории лекторов пустуют, а на экзаменах происходит зубрёжка по «шпаргалкам». Но академическое начальство словно не замечает этого и продолжает заваливать молодёжь бесконечными лекциями. Курс истории искусства в академии до того пространен, что можно подумать, что он рассчитан на людей, которые хотят посвятить себя всецело его изучению.

Понятно, что за громадной массой материала совершенно всё спутывается и пропадает важное, и в результате среди молодых академистов полнейшее незнание и глубокое невежество не только по истории иностранного, но даже и своего, русского, искусства. Необходимо сократить теперешние необъятные курсы истории искусства, поставив во главу угла программы ознакомление с главнейшими фазисами истории искусства, характеристику, без излишних подробностей и тонкостей, школ и направлений, более основательное и широкое изучение истории русского искусства. Ибо, надо же, наконец, признать, что тот, кто сам захочет расширить свои знания по истории искусства, сделает это и лучше, и с меньшей затратой времени без помощи академических лекций. Кроме того, академия художеств должна найти способного человека и поручить ему написать курс лекций по истории искусства, а то теперь академическую молодёжь морят на переводах или скучнейших компиляциях с немецких изданий, изложенных таким языком, что чтение этих лекций – сущее наказание.

Совершенно неудовлетворителен и класс перспективы, несмотря на всю его важность. Г. Александр Бенуа в своей интересной статье «Чему учит академия художеств?», помещённой в № 8-9 *Мира Искусств* за 1904 год, основательно замечает, что и в перспективном классе программа должна быть сокращена. «Художник, по словам Ал. Бенуа, твёрдо усвоивший пять-шесть главных формул, смело может справляться с самыми сложными задачами. Но вот, вместо пяти-шести формул, усвоенных на практике, академиком-юношам

преподают длиннейший и малопонятный курс перспективы, опять-таки загромождая его ненужными подробностями». В конце концов, получается, что художники, выходя из академии, затрудняются найти «точку схода» в своей картине.

Чтобы реорганизовать перспективный класс и добиться, каких бы то ни было, существенных результатов, надо сократить теорию. Что толку в одной теории, когда на практике художественная молодёжь разбирается, словно слепая, даже в несложной перспективной задаче, и при малейшей трудности путается и постоянно немилосердно фальшивит. Необходимо поставить дело так, чтобы ученик твёрдо усвоил только самое необходимое число формул, а до остального оставить его спокойно доходить путём неустанной самостоятельной работы.

Очень важен в академии класс анатомии. Но опять-таки необходима известная часть знаний, а не целая наука. При теперешней же системе преподавания лектор курса анатомии осложняет её излишними подробностями. До деталей пусть молодёжь доходит сама, путём работы в этюдном классе. При хорошем, твёрдом знании основных законов анатомии и перспективы ничто так не развивает молодого художника в его мастерстве, как серьёзная сознательная работа в этюдном классе, то есть рисование и рисование.

Реорганизация этих трёх классов особенно важна в виду того, что и в рисовальных школах, подведомственных академии, преподавание ведётся применительно к академическому.

Наконец, надо увеличить учебный год, особенно в академии художеств, где ученики работают теперь в мастерских с октября по апрель. Остальное время они работают с натуры, предоставленные самим себе. Такое распределение имеет смысл только для учеников пейзажной мастерской. Ученикам же других мастерских необходимо находиться как можно ближе к профессорам, ибо техника, помимо неустанной работы, приобретает непосредственным и близким общением с профессором-руководителем. При теперешнем учебном годе нет времени приобретать её, так как рабочего времени чрезвычайно мало. Вспомним, какая бедность света в петербургском дне в ноябре и декабре, вспомним о бесчисленных праздничных днях, так ревниво охраняемых теперешними профессорами, не говоря уже о рождественских каникулах, и увидим, что *увеличение рабочего времени* учеников академии, работающих в мастерских, есть насущная потребность.

Вот в общих чертах желательная реформа высшего художественного училища и рисовальных школ, подведомственных академии художеств. Разобраться в деталях это – дело комиссии по реорганизации академии. Но если комиссия эта не обновится свежими, энергичными людьми, то проку будет мало от неё.

Ив. Лазаревский.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/896, 3 л.

12/25 Августа. 1906 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

2, RUE OCTAVE FEULLET
PARIS
25 августа 1906 г.

Добрейший Николай Константинович,
Меня ваше письмо положительно перевернуло, точно обухомхватило по голове! Господи, какая на деле творится гадость, как люди друг друга немилосердно уничтожают, какая вражда! Мне минутами делается страшно жить, каждый шаг так дорого стоит на жизненном пути, так трудно двигаться вперёд, робость и ужас охватывает душу.

Да, как видно у вас серьёзный враг, бороться с ним будет нелегко. Ведь Бенуа всех здесь знает и художников, и прессу, всюду уже давным-давно пролез. Просто не знаю, как отвлечь его влияние. <Суито> и Брамсань я не видела и боюсь их увидеть, чтобы как-нибудь они не пронюхали, что я хлопочу о выставке. (Они ведь заодно с Бенуа). Когда уже картины будут приняты, трудно будет напортить. Из клики я никого не вижу, да и боюсь их хуже огня. Я ведь учёная и давно уже обожглась! Мне не по характеру и не по нервам вечное состязание, вражда и интриги. Я от всего этого болею и хирею.

Когда-то я думала, что искусство - это особая атмосфера духовной благотворительности и аромата, от которого легче или красивее живётся и дышится, что люди, призванные быть жрецами этого искусства, должны быть выше, лучше толпы, со здоровыми высокими думами и что же... Какая грустная действительность, какое разочарование. Что это будет с вами в Петербурге, когда вы уже теперь страдаете удушьем, дело доходит до докторов, где запас ваших сил, и из какого источника вы почерпнёте то хладнокровие и мужество, которое потребуются вам для борьбы? Мне очень страшно за вас, не нахожу слов для выражения. Как мне жаль вас, и как я боюсь за вас! Путь тернист, и если в себе не выработать гигантского мужества и силы, можно просто погибнуть.

Я хочу просить вас сделать со мною обмен, т.е., я возьму вас вместо рисунков пером к Метерлинку «женщину с драконом», эта вещь пока будет радовать меня, и потом я её отдам в мой отдел Музея Александра III как вещь, хорошо вас выражающая. Есть ли она в списке выставяемых вещей, и что я за неё вам должна, телеграфните мне.

Непременно надо напечатать письмо Скалона к Бенуа в русских газетах (если согласится Скалон), вот бы был случай показать обществу, что за штучка Бенуа, сделайте это непременно.

Что же это ваш мальчик хворает, как жаль!

Дружески жму вам и Елене Ивановне руку, будьте здоровы и крепки.

Мария Тенишева.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1364, 2 л.

14/27 августа 1906 г. Милан
Письмо М. Бильбасова к Рериху Н.К.

[Герб Росс. Имп.]

Ministère Imperial du Commerce
& DE L'INDUSTRIE.

COMMISSAIRE GÉNÉRAL
DE LA SECTION RUSSE

A
l'Exposition international de 1906

A MILAN (ITALIE)
4, via Anrelio Saffi
Le 10/23 Августа 1906.
№ 1750

Многоуважаемый Николай Константинович.
Вследствие письма от 13-го Августа с.г. спешу уведомить Вас, что Ваши 2 проекта для мозаики от В.П Шнейдер получены и выставлены в Русском Отделе Международной выставки 1906 г. В Милане. Не скрою от Вас, что вследствие бывшего в Милане недавно, сильного ливня ("fogs majeur"), один из проектов, в виду протекшей в павильон воды, подмочен.

Шлю Вам искренний мой привет, а также и от сотрудников моих.

Искренно Вам преданный

М. Бильбасов

Его Выс-родию
Н.К. Рериху.

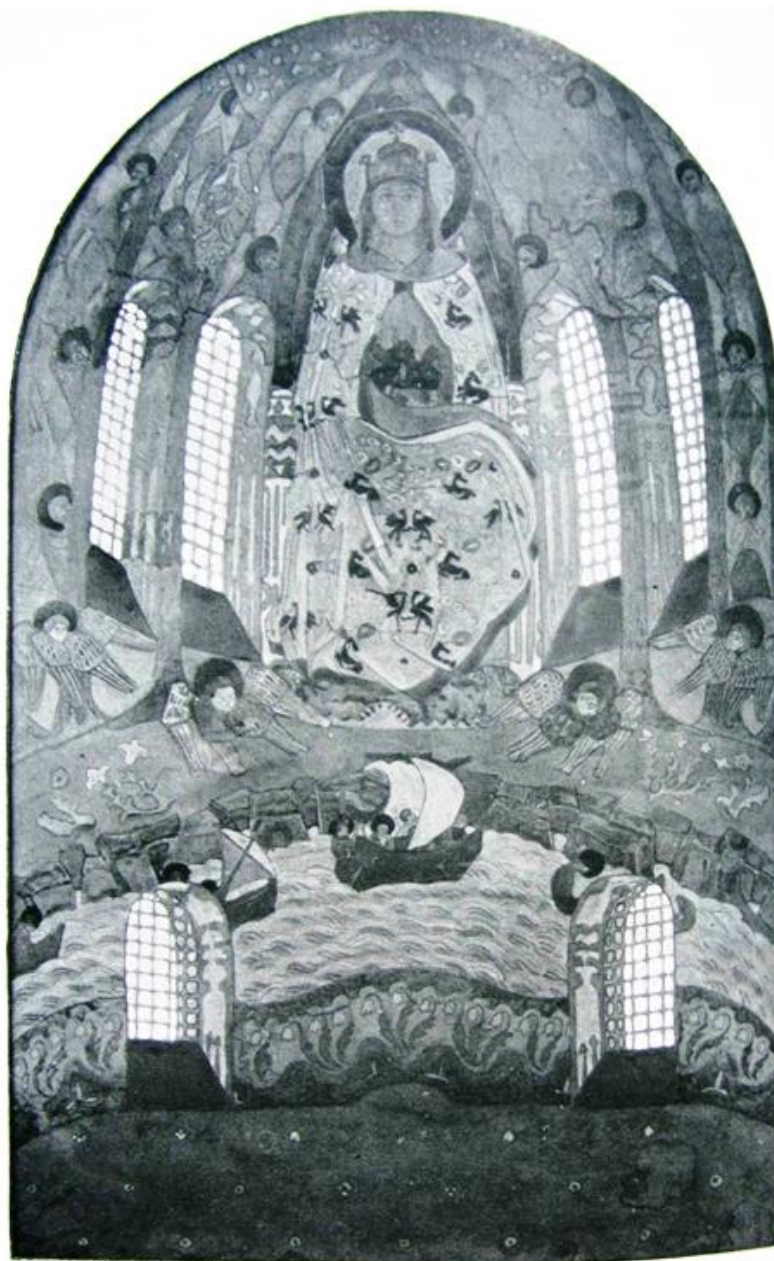
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/625, 1 л.

Покров Богородицы.

Спас Нерукотворный с избранными святыми.

Эскиз алтарной ниши.
Esquisse d'une niche d'autel.

Эскиз алтарной ниши «Богородица на берегу Жизни». 1906 г.
(Эскиз для Пархомовской церкви).
(Воспроизведено в журнале «Золотое руно». 1907. № 4.)

21 августа/ 3 сентября 1906 г.

Членский билет Археологического о-ва, выданный Рериху Н.К. 3 сентября 1906 г.

Die Alterthums-Gesellschaft Prussia

ernennt zu ihrem

ordentlichen **Mitglied**

Herrn Nicolaus Roerich, Directeur de l'Ecole de la Societe Imperiale d'Envonagement
der Beaux Arts, St. Petersburg.

Königsberg i/P den 3. September 1906/

Der Vorstand

Перевод с немецкого:

Археологическое Общество

Пруссия

назначает своим

действительным членом господина Николая Рериха,
Директора Школы Императорского Общества Поощрения художеств,
С.-Петербург.

Кёнигсберг/П[руссия] 3 сентября 1906 г.

Правление:

(подписи)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/484, 2 л

25 августа (с/ст.) 1906 г. Париж.
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

2, RUE OCTAVE FEULLET, PARIS
6 Сентября / 25 Августа, 1906 г.

Многоуважаемый Николай Константинович,

У меня до вас большая просьба и, заранее извиняюсь, что отрываю вас от ваших занятий. Я только что получила прилагаемую депешу. У меня действительно, здесь в Париже находятся как лучшие вещи моего музея, так и коллекция моих любимых русских акварелей Поленовой и проч., тоже и ваши масляные картины и акварели. Боясь, чтобы в разгромах и поджогах не погубили бы столь дорогие мне предметы, я всё привезла сюда. Однако, чтобы отдавать что-либо другим на выставки, я должна знать, кто именно устроители этой выставки, а то, пожалуй, поступят с картинами так, как поступили на Таврической выставке, т.е. просили один портрет, который владелица очень не желала давать; его куда-то запрятали и даже не предупредили, что передумали выставлять. – После того портрет этот, с большими хлопотами с моей стороны, вернули владычице.

Вообще, мне необходимо знать, кто устроители этой «Русской» выставки, и кто и что на ней выставляет. Сообщите всё что знаете, очень прошу вас об этом.

Ещё раз извиняюсь за беспокойство.

Жму вашу руку,

Княг. М. Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1365, 2 л.

25 Августа. 1906 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

2, RUE OCTAVE FEULLET, PARIS
25 августа 1906 г.

Добрейший Николай Константинович,

Меня ваше письмо, положительно, перевернуло, точно обухомхватило по голове! Господи, какая на деле творится гадость, как люди друг друга немилосердно уничтожают, какая вражда! Мне минутами делается страшно жить, каждый шаг так дорого стоит на жизненном пути, так трудно двигаться вперёд, робость и ужас охватывает душу. Да, как видно, у вас серьёзный враг, бороться с ним будет не легко. Ведь Бенуа всех здесь знает, и художников и прессу, всюду уже давным-давно пролез. Просто не знаю, как отвратить его влияние. <Су...> и Брамсона я не видела и боюсь их увидеть, чтобы как-нибудь они не пронюхали, что я хлопочу о выставке. (Они ведь заодно с Бенуа). Когда уже картины будут приняты, трудно будет напортить. Из клики я никого не вижу, да и боюсь их хуже огня. Я ведь учёная и давно уже обожглась! Мне не по характеру и не по нервам вечное состязание, вражда и интриги. Я от всего этого болею и хирею.

Когда-то я думала, что искусство - это особая атмосфера духовной благотворительности и аромата, от которого легче или красивее живётся и дышится, что люди, призванные быть жрецами этого искусства, должны быть выше, лучше толпы, со здоровыми высокими думами и что же... Какая грустная действительность, какое разочарование. Что это будет с вами в Петербурге, когда вы уже теперь страдаете удушьем, дело доходит до докторов, где запас ваших сил и из какого источника вы почерпнёте то хладнокровие и мужество, которое потребуется вам для борьбы? Мне очень страшно за вас, не нахожу слов для выражения. Как мне жаль вас и как я боюсь за вас! Путь тернист, и если в себе не выработать гигантского мужества и силы, можно просто погибнуть. Я хочу просить вас сделать со мною обмен, т.е. я возьму вас вместо рисунков пером к Метерлинку «женщину с драконом», эта вещь пока будет радовать меня, и потом я её отдам в мой отдел Музея Александра III, как вещь хорошо вас выражающая. Есть ли она в списке выставляемых вещей, и что я за неё вам должна, телеграфните мне. Непременно надо напечатать письмо Скалона к Бенуа в русских газетах (если согласится Скалон), вот бы был случай показать обществу, что за штучка Бенуа, сделайте это непременно.

Что же это ваш мальчик хворает, как жаль!

Дружески жму вам и Елене Ивановне руку, будьте здоровы и крепки.

Мария Тенишева.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1364, 2 л.

«Я хочу просить вас сделать со мною обмен, т.е. я возьму вас вместо рисунков пером к Метерлинку «женщину с драконом», эта вещь пока будет радовать меня, и потом я её отдам в мой отдел Музея Александра III, как вещь хорошо вас выражающая...» (М.К. Тенишева)

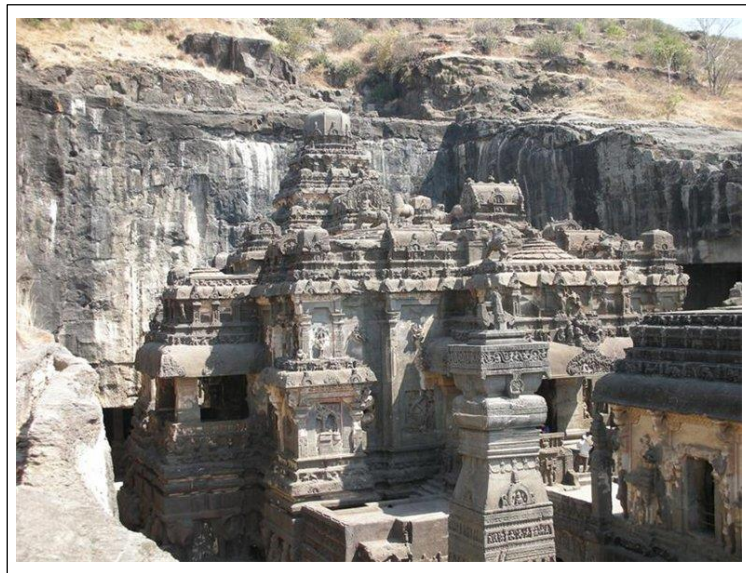

Н.К. Рерих. Змеивна. 1906.

Весы. 1906. Август. № 8. С. 79.

PRO DOMO SUA¹

Наши постоянные читатели, вероятно, помнят прекрасный рисунок Н. Рериха «Девассари Абунту», впервые воспроизведённый в «Весях» в 1905 г. (№ 8). Позже тот же рисунок был приложен при роскошном издании чешского журнала *Moderní revue* воспроизведён в чешском художественном журнале *Volne Smery*. в настоящее время один из наших доброжелателей указывает нам в письме на источник, которым воспользовался Н. Рерих при создании образа Девассари Абунту. это древне-индусский рисунок в одной из пещер Индии, с которым в Европе ознакомились по известной книге Гриффита и который обычно перепечатывается в различных популярных «историях искусств». При письме нам доставлен один из выпусков издания A. Schutz und Anderen, *Kunstgeschichte*, Berlin. 1903, где он также воспроизведён. Поза женщины и все украшения её тела, действительно, совершенно тождественны в подлинном индусском рисунке и у Н. Рериха. считая такое сообщение не лишённым интереса, преимущественно как материал для характеристики творчества Н. Рериха, мы ни в каком случае не видим здесь какого-либо укора для него. Откуда же художник может взять тип древне-индусской женщины, откуда же он почерпнёт дух того времени, как не в изучении подлинных памятников? Упрекать художника за то, что он близко следовал образцам той эпохи, которую он воспроизводил, всё равно что ставить в вину Вальтеру Скотту верность выведенных им лиц пор историческим данным. ...

Пещерные храмы Аджанты.
(Совр. фото)

¹ в защиту своего дома (лат.) – Ред.

25 августа (с.ст.) / 6 Сент. 1906 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

2, RUE OCTAVE FEULLET, PARIS
6 Сентября / 25 Августа, 1906 г.

Многоуважаемый Николай Константинович,
У меня до вас большая просьба и, заранее извиняюсь, что отрываю вас от ваших занятий. Я только что получила прилагаемую депешу. У меня действительно, здесь в Париже находятся как лучшие вещи моего музея, так и коллекция моих любимых русских акварелей Поленовой и проч., тоже и ваши масляные картины и акварели. Боясь, чтобы в разгромах и поджогах не погубили бы столь дорогие мне предметы, я всё привезла сюда. Однако, чтобы отдавать что-либо другим на выставки, я должна знать, кто именно устроители этой выставки, а то, пожалуй, поступят с картинами так, как поступили на Таврической выставке, т.е. просили один портрет, который владелица очень не желала давать; его куда-то запрятали и даже не предупредили, что передумали выставлять. – После того портрет этот, с большими хлопотами с моей стороны, вернули владычице.

Вообще, мне необходимо знать, кто устроители этой «Русской» выставки, и кто и что на ней выставляет. Сообщите всё что знаете, очень прошу вас об этом. Ещё раз извиняюсь за беспокойство.

Жму вашу руку.

Княг. М. Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1365, 2 л.

27 августа / 6 сентября 1906.
Открытое письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху

Его Высочородию
Николаю Константиновичу Рериху
Б. Морская. Общество Поощрения художества.
Russia – St. Pet'ersburg

На штемпелях даты: 6. 9. 06. PARIS ROES CAPUCINES\$ // 27. 8. 06. С.ПЕТЕРБУРГ. ГОРОДСК.ПОЧТА.

6 Sept. 1906.

Hotel de la Gr. Bretagne,
14, Rue Caumartin
Paris

Дорогой Николай Константинович,
Приезжать или не приезжать? Напиши, пожалуйста, сейчас же, подробно. Можно ли опоздать и насколько? Войдёт ли, по твоему мнению, Петербургская

жизнь хоть сколько-нибудь в свою колею? Вообще, всё важное. Я чувствую себя между небом и землёй. Не знаю – что предпринять. Деньги истощились. В Россию - очень не хочется. Хоть бы месяц ещё человеческой жизни. Мать зовёт к себе в Rouan...

Жму руку крепко. Привет Елене Ивановне.

Твой верный *Маковский*

P.S. Получены ли в Обществе мои книги из Женевы?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/946, 1 л.

Из архива Н.К. Рериха:

Конец августа 1906 г.

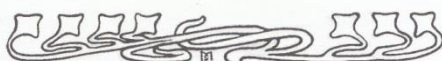
Письмо (черновик) Н.К. Рериха.

Считаю нужным известить Вас о моём возвращении в СПб и напомнить о желании моём выраженным мною в письме из Бад. Бад. От 12 Авг. н/с 1906 г. Чтобы не стеснять Вас непременно исполнением выраженного мною в упомянутом письме, могу предложить Вам следующее: или 1) вовсе не упоминать в издании Вашем «Р.Т.Ж.» моего имени и моих вещей, или 2) согласно Вашему предложению первоначальному и письму А. Н. Бенуа к Б.Е. Скамони от 15/2 V1905 г., поместить что-либо из вещей моих в издании Вашем в красках или, 3) сделать в издании Вашем печатное примечание, что **У)**

У) «Издательство было лишено возможности поместить в красках или в чёрном воспроизведении картину Н.К. Рериха «Заморские гости» вследствие личных отношений между автором картины и редакцией издания»

Уклонение Ваше от указанных 4-х способов действия, к сожалению, вынудит меня считать письмо Ваше в Бад. Бад. от 4/17 авг. с.г. неискренним и предполагать в действиях Ваших мотивы, которые мне не хотелось бы называть, в силу прежних добрых отношений, существовавших между нами. Прошу вас не отказать мне в определённом ответе и принять уверения в моем почтении.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/111, 1 л.

СЕНТЯБРЬ

*1/14 сентября 1906 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху*

2, RUE OCTAVE FEULLET, PARIS
14 Сентября 1906 г.

Добрейший Николай Константинович,
Посылаю вам ответ Матье Шретеру, это просто возмутительно, какое у этих господ отношение! Хорошо, что вы решили выставлять в русском отделе, а то бы уж теперь ваши картины не попали в осенний салон.

В Воскресенье т.е. 16-го с.м. мы с княгиней и моей дочерью уезжаем в Salies – de Bearn, (Battes Pyrenees). Княгине давно уже надо серьёзно полечиться, ей доктора советовали много раз поехать в Salies и теперь я настояла, чтобы она наконец обратила внимание на своё здоровье. Мне хотелось дожидаться ваших картин, но, так как их всё ещё нет, то я поручила Шретеру их получить и доставить на выставку, нам же больше откладывать нашу поездку нельзя, потому что станет холодно для ванн.

Хорошо было бы, если бы вы написали Шретеру ваши указания относительно картин. На днях был у меня Маковский, он только что вернулся из Америки, он в восторге от своего путешествия. Жаль только, что мы его мало видели, всего сразу не переговорить, а он уже на другой день уехал к своей матери. По приезде в Salies сообщу вам свой адрес.

Я очень рада за вас, что пока у вас всё идёт гладко, дай Бог, чтобы это положение продолжалось. Шлю мой сердечный привет Елене Ивановне.

Дружески жму вашу руку,

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1366, 2 л.

ИЗ ИСТОРИИ РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ...

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ

В школе Общества поощрения художеств (Петербург) вновь назначенным директором [Н.К. Рерихом] предложены большие преобразования. Все дела школы прежде рассмотрения комитетом будут проходить через педагогический совет профессоров, который до сих пор игнорировался г. Сабанеевым. Вновь приглашены профессорами архитектор Щусев и С. Маковский.

Весы. 1906. Сентябрь. № 9. С. 83.

Листок из архива Н.К. Рериха – директора Школы Общества Поощрения Художеств

Директор просил разрешение вывесить в Школе объявление, что он два раза в неделю принимает в определен. часы учащихся для советов об эскизах и домашних работах.

.

Так как по разъяснению Комитета Секретарь общ. является неперменным членом всех Советов и Комиссий работающих при Обществе, то состав Редакцион. Сов. положено считать увеличенным, причисляя к прежнему числу членов и Секретаря Общества.

.

Директор по-прежнему участвует в Экспертной Комиссии по аукционам и постоянным выст.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/29, 1 л. [1906]

[Осень 1906 г.]

Письмо-рекомендация И.Я. Билибина к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович,

Пользуюсь случаем, что податель этого письма, Нарбут, отправляется к Вам, чтобы выразить Вам мой привет. Я недавно приехал и собираюсь зайти к Вам, но не знаю, когда Вас теперь удобнее застать. Может быть, напишете два слова, когда обыкновенно бываете, так сказать, видимы, и передадите Нарбуту.

Этот Нарбут снял у меня одну комнату. Я познакомился с ним только недавно. По-моему, он очень способный малый, но пока ещё (по юности) совершенно без индивидуальности. Он подражает моим первым сказкам, от которых я сам давно отказался и не может ещё, кажется, понять, насколько он не то, чем они должны бы были быть.

Я всё время твержу ему, чтобы он искал самого себя; а как он поймёт после сырые материалы, и будет ли рисовать широко или с микроскопом на носу, это уже дело его индивидуальности, которая пока ещё не проявилась.

Потом, он не умеет рисовать. Он хочет поступить в Вашу школу. Мне кажется, что это хорошо. Пускай порисует.

Я очень хочу посмотреть на Ваши новые вещи.

Пока до свидания. Жму Вашу руку.

Ваш

И. Билибин

Отдел рукописей ГТГ, 44/623, 2 л.

Н.К. Рерих. Облака. 1906.

4 сентября 1906 г.

Письмо В. Добржа к Рериху Н.К.

Бого Еллинского Аполониума Крен-Кренитису вельми чтимому, Николаю Константиновичу, Рериху, того же Бога вой дело пишет гулявой Виктор Добржа челом бьет.

Да хранит Николу Рериха Матка Божия Наисвятейшая и сын Божий и веселый Бог Рагу<тис> да покровительствует пчелам его и умножает мед в сотах и всякое благоденствие в <пумасе> его Ладу, его супругу вельми чтимую да хранит Матка Божия Наисвятейшая и богиня <Мильда> да благословит её и союз её с супругом славным Кревс-Кревейтисом вельми чтимым Николаем Рерихом.

Чад их сынов прекрасных Юрия и Святослава да хранит Матка Божия Наисвятейшая и богиня Летува, миленькая свобода, да пребудет с ними во веки и веки и бог Кавось, да хранит их в бранях и сечах.

И наш союз благословила богиня Мильда и дарова нам чадо- девици, с воели великими на свет родившуюся. И тако нарекли ей Войслава. И пока греческие не изволят на имя сие ибо нема имени сего, и ни в Римском, ни в Греческом, ни в Жидовском обычае. В обычае древнем славянском сие имя.

И ведомо у нас: нарече имя сынови своему другому Рерих Николай, вельми чтимый, обычаем древним; и тихо нарече Святослав. И ими-же наветами увеща попов греческих Никола Рерих неведомо ни на Литве, ни Латыном, ни <...> ни на Ятвягах, ни Кривичах, ни на всей Литве.

Бьет челом Николаю Константиновичу вельми чтимому Виктор Добржа: да известит его и научит наветам сим, како нарек имя древнее обычаем Росским, а не Греческим, а не Рижским, ни же Жидовским, и так нарек Святослав в вере Греческой окрестив.

Просит Виктор Добржа выбачить ему сие послание и сию доуку и да хранит Николая Рериха Матка Божия Наисвятейшая и все боги Литовские.

И Ладо Дид бог России, и все святые, и бог Еллинский Аполлониум да возлюбит его Николая Константиновича Рериха паки и паки.

Вельми чтущий Николу Рериха Кревс-Кривейтаса Войделотишко.

Виктор Добржа.

Мешка в Месте Вильне на Росском посаде у Острых Юров по Конной улице в доме седьмом в нумасе третьем.

Роки 1906 листопада 4-го дня.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/765, 4 л.

5 сентября 1906 г. СПб.

Хроника

Искусство и художники

Е.П. Щербов. Ярмарка. 1906.

Среди художников давно уже ходили толки о грандиозной карикатуре известного г, Щербова.

Над нею художник работал несколько лет и, наконец, теперь закончил её. Называется она «Ярмарка».

Действительно, грандиозный труд! Достаточно сказать, что в «Ярмарке» участвуют до ста фигур.

Это – злые карикатуры-портреты. Кого только здесь нет! Все более или менее примечательные фигуры художественного мира здесь.

Щербовского карандаш не знает пощады и рисует всех «правых» и «левых», своих и чужих.

Вот старик Стасов с огромной ерихонской трубой, вот Нестеров, Васнецов (уморительный замысел), Константин Маковский, скульптор Беклемишев, Репин, скульптор Гинцбург.

Вот Рерих, Игорь Грабарь, Бакст (с лысинкой в форме сердца), Сомов, Серов...

На первом плане Дягилев, одетый нянькой; он вывозит в люльке младенца... Малявина.

Не позабыты и художественные критики. Особенно зло представлена фигура г. Брешко-Брешковского.

Биржевые ведомости. 1906. 5/18 сентября. Вечерний выпуск. № 9477.

В ШКОЛЕ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ...

11 сентября 1906 г. СПб.

Эскизы и кроки

В школе Общества поощрения художеств уже начались занятия.

Должность директора школы с нынешнего года занимает Н.К. Рерих, бывший секретарь Общества поощрения художеств и даровитый художник.

Вчера я видел г. Рериха и познакомился с его взглядами как директора.

Он намерен многое изменить в программе преподавания.

Г.-н. Рерих считает, во-первых, необходимым расширить декоративный класс.

Декорация в последнее время стала играть большую роль, а между тем техника декоративная не двигается с места.

Эта техника может значительно облегчить первый заработок учащихся. Будет усилен класс акварели, изменён характер экзаменуемых, выставлен в том смысле, чтобы качества играли первую роль, а не количество, будут устраиваться экскурсии с учениками отдельного чтения по вопросам искусства, читаться рефераты и т.д.

Петербургский обозреватель.

Петербургская газета. 1906. 11 сентября. № 248.

Летопись литературы и искусств

В школе Общества поощрения художеств (Петербург) вновь назначенным директором предложены большие преобразования. *Все дела школы прежде рассмотрения комитетом будут проходить через педагогический совет профессоров, который до сих пор игнорировался г. Сабаневым.* Вновь приглашены профессорами архитектор Щусев и С. Маковский.

Весь. 1906. Сентябрь. № 9. С.83.

12 сентября 1906 г.

Эскизы и кроки

Сколько времени нужно, чтобы перевезти картины из Вены в Париж? Оказывается, на это мало двух месяцев..

Художник Н.К. Рерих рассказывал мне, что отправил ещё в июле месяце свои картины из Вены в Париж, и до сих пор они не пришли.

Обыкновенно русские железные дороги славились медленностью доставки багажа, но это будет, пожалуй, ещё почище нашего...

Петербургская газета. 1906. 12 сентября. № 249.

14 сентября 1906 г. Париж

Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

2, RUE OCTAVE FEULLET, PARIS

14 Сентября 1906 г.

Добрейший Николай Константинович,

Посылаю вам ответ Матье Шретеру, это просто возмутительно, какое у этих господ отношение! Хорошо, что вы решили выставлять в русском отделе, а то бы уж теперь ваши картины не попали в осенний салон.

В Воскресенье т.е. 16-го с.м. мы с княгиней и моей дочерью уезжаем в Salies – de Bearn, (Battes Pyrenees). Княгине давно уже надо серьёзно полечиться, ей доктора советовали много раз поехать в Salies и теперь я настояла, чтобы она наконец обратила внимание на своё здоровье. Мне хотелось дожидаться ваших картин, но, так как их всё ещё нет, то я поручила Шретеру их получить и доставить на выставку, нам же больше откладывать нашу поездку нельзя, потому что станет холодно для ванн.

Хорошо было бы, если бы вы написали Шретеру ваши указания относительно картин. На днях был у меня Маковский, он только что вернулся из Америки, он в восторге от своего путешествия. Жаль только, что мы его мало видели, всего сразу не переговорить, а он уже на другой день уехал к своей матери. По приезде в Salies сообщу вам свой адрес.

Я очень рада за вас, что пока у вас всё идёт гладко, дай Бог, чтобы это положение продолжалось. Шлю мой сердечный привет Елене Ивановне.

Дружески жму вашу руку,

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1366, 2 л.

В ШКОЛЕ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ...

К началу учебного года

15-го сентября состоялось первое заседание педагогического совета, руководящего художественными классами при Обществе поощрения художеств. В текущем учебном сезоне в центральной школе на Б. Морской, в пригородных классах и в специальных мастерских занимается около 1 ½ тысячи чело-

век (учеников и учениц) по различным отраслям художественной промышленности, причём вновь принято 300 учащихся. Вновь назначенный директор школы художник Н.К. Рерих ввёл некоторые изменения в системе преподавания по образцу подобного рода учреждений за границей, для изучения которых он был командирован от Общества прошедшим летом. Предполагается на заседании совершенно изменить библиотеку, представляющую из себя, в некотором роде, археологическое учреждение, и ввести соответствующее количество рисунков в новом стиле.

Петербургский листок. 1906. 17/30 сентября. № 255.

Искусство и художники

С появлением в Обществе поощрения Рериха и Зарубина всю жизнь этого художественного училища резко видоизменилась. Обновлён состав профессоров. Почувствовались личные симпатии Рериха – обращено внимание на декоративное искусство. Намечен ряд научных экскурсий.

Расширяется постоянная выставка и будут устраиваться периодические выставки, по примеру энергичного библиотекаря академии Ф.Г. Беренштама.

Прежде аукционы устраивались раз в месяц, теперь два раза.

Словом, «новая метла» сказалося во всём.

Биржевые ведомости. 1906. 18 сентября / 1 октября. Вечерний выпуск. № 9497.

[18 сент.]/1 Октября 1906 г. Salies-de-Béarn. Basses-Pyrénées
Письмо М.К. Тенишевой к Рериху Н.К.

GRAND HOTEL DU CHATEAU 1 Октября
Salies-de-Béarn 1906.
(Basses-Pyrénées)

Добрейший Николай Константинович,
Шретер пишет, что из Вены прибыло картин 64 штуки, Дягилев выбрал 18, а у Шретера осталось всего 53. Так как у меня взято 7 картин, а не 5, Идолы и Сокровище Ангелов Дягилев забраковал. Хорошо, что меня нет в Париже - воображаю, как Бенуа ломается над вашими картинами. Я, наверное, с ним дошла бы до драки!

Погода здесь более чем очаровательная, такая, какая у нас бывает в Июне. Я несколько раз думала, как было бы здесь хорошо вашим деткам, ванны эти страшно полезны для детей. Жизнь стоит гроши, а воздух бесценный, мы останемся здесь ещё недели две, княгине, моей дочери и мне пребывание в Salies оказало большую пользу.

Мне так надоели неприятности, что я предпочла не иметь дела с Дягилевым и К° и отлично сознаю, что лучше отойти от дела. Как я счастлива, что у вас всё идёт гладко, дай Бог, чтобы так долго продолжалось.

При случае, не сообщите ли мне фамилию и адрес того, кто переводил текст русского «Талашкино» на французский язык – о нём мне хорошо говорил Маковский и, может быть, он пригодился бы мне для моего издания музея. Шлю Елене Ивановне сердечный привет, а вам дружески жму руку.

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1370, 2 л.

2/19 октября 1906 г. Париж
Письмо Шретера Ю.Г. к Рериху Н.К.

РУССКАЯ ТРАНСПОРТНАЯ И КОММИССИОННАЯ КОНТОРА
Ю. Г. ШРЕТЕРЪ
Преемника Фирмы "МАРСЕРУ, ШРЕТЕР И Ко."
Основан. в 1892 году,
в ПАРИЖЕ, 26, ул. д`Отевиль.

AGENCE DE TRANSPORTS INTERNATIONAUX
Ancienne Maison, Schreter & Cie
J. SCHRETER, Successeur
26, Rue d`Hauteville, 26 - PARIS

Адреса для телеграмм: "**Marcheter**"

Париж, 19/2-го октября 1906 г.

Господину
Николаю Константиновичу Р Е Р И Х,
С.-Петербург.
Морская, 88.

Милостивый Государь,
Вследствие Вашей почт. телеграммы от I-го с/м.:
"Просьба написать, какие картины будут выставлены". Имею честь препроводить при сём список, выбранным Г-ом Дягилевым для Выставки картин, и пребываю всегда готовый к услугам.

С совершенным почтением

Ю.Г. Шретер.

Приписано карандашом рукой Н.К. Рериха:
Директор предлагает учащимся желающим проходить полный курс *от орнамента доскульптуры/ у преподав. Р. Баха или у И. Андреолетти. подписаться в соответственной графе.*

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1505, 1 л. (машинопись)

20 сентября 1906 г.
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

CARTE POSTALE

Adresse
Russie

Его Высокоблагородию Николаю Константиновичу Рериху.
Большая Морская, 38. С. Петербург

20 Сентября 1906 г.

Получила вашу депешу, Николай Константинович, прошу вас сказать Дягилеву, что я ничего не дам на выставку, боюсь, что с акварелями и образами он поступит так же, как и с портретами. У нас дивная погода. Приехали сюда поправлять здоровье и нервы.

Живём в тишине так же как в русской деревне.

Мой привет вам и Елене Ивановне.

М. Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1368, 1 л.

25 сентября 1906 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

Добрейший Николай Константинович,

Из разговора с Лидиным я поняла, что была бы возможность отдать Обществу Поощрения Худ. мою коллекцию, что для неё нашлось бы подходящее помещение. Так ли я поняла слова Лидина? Очень жаль, что мы с вами до этого не договорились. Когда приедете в Париж, обсудим этот вопрос серьёзно.

Я всё ещё не послала своего письма ни в одну редакцию, хочу дать этой своре собак долаяться. Последнее, что мы прочитали, это что «граждане» послали прошение в Синод с массою подписей, прося ревизии. Пусть они дойдут до абсурдов, пусть окончательно отличатся и покажут себя, тогда я напишу моё завершающее слово и приму после этого окончательное решение.

Жакен видел в салоне устроителя, который занимается развешиванием картин, и просил его, как можно выгоднее поместить ваши картины. Я дала Жакену одну из тех пастелей, котор. вы сделали в прошлом году в Швейцарии, трое стоящих у готического окна, ему она очень понравилась, хорошо ли я сделала?

Странное на меня впечатление произвёл Верещагин, из его слов выходит, что русского стиля нет, и не было, что всё, что существует в прошлом, в искусстве исключительно подражание. Взглянув на вашу картину «Собор сеятелей», он спросил меня, откуда вы взяли эти стены, на мой ответ, что из Ростова Великого, он очень удивился, сказав, «неужели там есть такая церковка». Как на меня пахнуло атмосферой нашего Петербургского Общества, сколько в нём преступного равнодушия ко всему отечественному, стыдно делается за наших якобы культурных людей. Знают они отлично всё западное и французят-то, а своего, ни в зуб толкнуть! Да, слабо, очень слабо!!....

Прошу передать Елене Ивановне мой сердечный привет.
Жму дружески вашу руку.

Мария Тенишева

25 Сентября. 1906 г.
Париж.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1383, 2 л.

26 сентября 1906.

Письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху

Дорогой Николай Константинович,

Верь мне, какой-то рок препятствовал моему возвращению в Петербург в первых числах Сентября. Я откладывал отъезд со дня на день вследствие многих и самых разнообразных случайностей. Вот почему не писал тебе.

Но, прежде всего о главном, о самом неприятном. Я продолжаю чувствовать себя очень нехорошо. Такая слабость, нервность и такое плохое пищеварение (опять!), что просто руки опускаются. Всё здоровье и энергию, которые, мне казалось, я нагулял во время чудесного путешествия по океану, ушли куда-то бесследно. По-старому зелень и хворь, и духом «слаб». К тому же вот уже две недели не могу отделаться бронхита. Кашляю, бывает жар. Мать, с которой я провёл всё это время, ни за что не хотела отпустить меня «домой» в таком виде. Были мы с ней у нескольких докторов. Все говорят одно. Нужен покой, покой и покой. Ты представляешь себе, как «успокоил» меня такой приговор.

Стремился я в Петербург - на твой призыв - работать и работать. Но выбора нет. Надо примириться с необходимостью. Будущей зимой я не могу интенсивно работать, я не могу взять на себя ответственный труд лекций в школе. Когда ты увидишь меня, то, конечно, согласишься с этим. Придти к такому решению было мне нелегко, и я медлил писать тебе. Прости великодушно за это опоздание. Я надеюсь, что тебе удастся подыскать кого-нибудь на эту зиму. И кто знает? Может быть, с середины зимы я буду в состоянии начать параллельные курсы по одному из отделов истории искусства. Но только теперь, сразу после приезда, я действительно не в силах быть для тебя тем помощником, на которого ты рассчитывал. Я знаю, что ты не заподозришь меня в лени и малодушии. Я долго хотел скрыть от себя даже всё, что пишу тебе сейчас. Но мне не удалось скрыть это от матери, и она взяла с меня слово послушаться голоса элементарного благоразумия.

Другое дело, если бы ты мне устроил лишь место библиотекаря в школе. Тогда я бы сейчас же бросил службу и стал бы, в свободное время от «книг», спокойно писать мою книгу о русской живописи, подготавливаясь, в то же время, ко всеобщей истории искусства.

Дорогой Николай Константинович, я думаю, что и для нашего общего дела это будет лучше. Рассказать историю искусства в двадцати пяти лекциях – труднее, чем написать том по специальному вопросу. Мне уже пришлось отказаться от первоначального плана, о котором я сообщал тебе в Villars. С тех пор я перебрал громадный материал (везу с собой туда три пособий)...

Все убеждали меня в том, что лекции должны «созреть», чтобы мой «дебют» превзошел ожидания друзей и не оправдал сомнений врагов. Пусть меня заменит на время обычный «профессор». И тебе будет спокойнее для начала. Твоим сотрудником по школе я останусь, но на менее видной роли. Школа реорганизуется постепенно. И время <...>, что постепенность безопаснее. А потом всё устроится само собой. Для меня главное – отделаться от невыносимой службы и набраться нервных сил на новом «режиме». Помоги, если можешь... Вернусь я через неделю, вылечившись от кашля (посещаю клинику).

Крепко жму руку и знаю, что ты войдешь в моё положение.

Твой Сергей.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/947, 2 л.

В РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

Записка Н.К. Рериха – директора Школы Общества Поощрения Художеств

Директор просил разрешение вывесить в Школе объявление, что он два раза в неделю принимает в определённые часы учащихся для советов об эскизах и домашних работах.

• ----- •

Так как по разъяснению Комитета Секретарь общ. является непременным членом всех Советов и Комиссий работающих при Обществе, то состав Редакции. Сов. положено считать увеличенным, причисляя к прежнему числу членов и Секретаря Общества.

• ----- •

Директор по-прежнему участвует в Экспертной Комиссии по аукционам и пост. выст.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/29, 1 л. [1906-7]

Осень 1906 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Голубеву В.В.

Дорогой Виктор Викторович,

Уже несколько дней собираюсь писать Тебе, но всё откладываю по причинам, которые Тебе сейчас станут ясными. За наше знакомство у меня сложились такие хорошие чувства к Тебе лично, и к Твоим задачам и проникновению искусством, что мне больно огорчить Тебя. Но моё внутреннее сознание подсказывает мне, что иного выхода у меня нет.

Весною Ты просил меня сделать эскизы для абсиды и купола церкви в Твоём имении; я согласился и всю поездку по Италии, при всех осмотрах помнил, что мне надо сделать и хотел сделать Тебе что-нибудь получше.

Работа стала удаваться; Щусев, Кардовский, С. Маковский и другие тонко чувствующие стали говорить мне, что ещё никогда не выходило у меня вещей более сильных в религиозном стиле и цельных по торжественному впечатлению. Я радовался и мне хотелось сделать ещё лучше... Но тут приехал брат

Твой Лев. Разрешите мне не переводить в деталях наш разговор, это слишком грустно и для Тебя и для меня. Может быть я слишком избалован суждениями высочайших Особ и лучших наших людей, но разговор и мнения Твоего брата окунули меня в тёмную массу, далёкую от искусства, далёкую от прекрасного. Он, говоривший прежде иначе, почему именно теперь преисполнился такими купецкими воззрениями о заказчике и художнике.

Мне известны отношения Высочайших Особ при заказе Нестерову и Нечаева-Майцова при заказе Васнецову и в том и в другом не было и подобия с суждениями Твоего брата. Обращаясь к художнику известному, можно думать, предполагают в нём хоть какую-нибудь компетентность в суждении о высоком и красивом и потому основание: «я плачу, а потому и требую служения моим вкусам» - не может быть применимо. Скажу одно, что брат Твой указывал мне делать вещи банальнее!! Все мои доводы и ссылки на лучших, на Анжелико, на Гоццоли и других попали не по адресу. Если брат Твой сказал бы, почему я в ту минуту не говорил сильнее – то он должен знать, что в ту минуту я был бессилён – он был моим гостем.

Теперь, хотя эскизы просил меня сделать не он, а Ты, но я жду его энергичного вмешательства и прихожу к следующему выводу. Я сдаю Покровскому рисунок абсиды уже много конченный, с уничтоженными по настоянию Твоего брата Евангельскими символами, что к сожалению очень умалило цельность впечатления; но от обещания моего сделать и рисунок купола, сердечно прошу Тебя меня освободить. Купол может сделать и Перминов, кстати ему можно и «приказать». Бывают жизненные положения, в которых внутреннее чутьё подсказывает, что уступать – уже ниже человеческого достоинства. Не будем же предавать искусство, которое нам должно быть столь дорогим.

Не только право воспроизведения, но весь рисунок абсиды я передаю Покровскому, так как при испорченной концепции он не представляет для меня никакой цены и значения. Остальные рисунки «забракованные» Твоим братом, дорогие мне по своей цельности я с удовольствием оставляю себе.

Теперь Ты видишь, дорогой мой, почему мне тяжело писать Тебе это письмо. Ради Тебя я старался найти компромисса с искусством, но такая работа уже – работа постылая.

Прекратим это объяснение, одинаково тяжёлое для нас обоих. Бедному русскому искусству видно ещё долго придётся лежать на Прокрустовом ложе!

Неужели Ты этою зимою не приедешь в Петербург? У нас есть мысли и о новых, журналах, в которых редакторская и издательская часть нас, по счастью, минует. С. Конст. блестяще начал читать лекции в Школе – ему предстоит большой успех на этом поприще. Часто говорим о Тебе и чувствуем себя духовно всё ближе и ближе.

Поклон мой Твоей супруге.

Искренно Твой

Н. Рерих

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/106, 3 л.

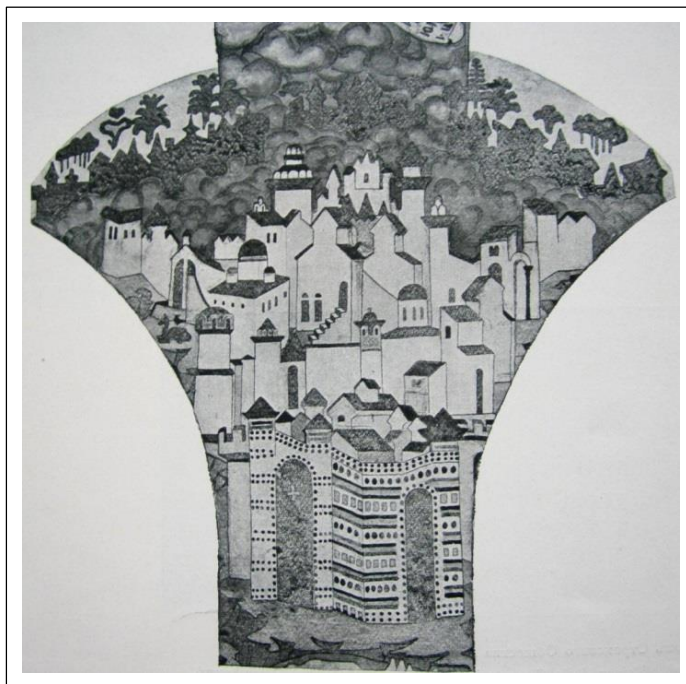
«Весною Ты просил меня сделать эскизы для абсиды и купола церкви в Твоём имени; я согласился и всю поездку по Италии, при всех осмотрах помнил, что мне надо сделать и хотел сделать Тебе что-нибудь получше. Работа стала удаваться; Щусев, Кардовский, С. Маковский и другие, тонко чувствующие, стали говорить мне, что ещё никогда не выходило у меня вещей более сильных в религиозном стиле и цельных по торжественному впечатлению...»

Эскизы Н.К. Рериха для Церкви Покрова в селе Пархомовка.

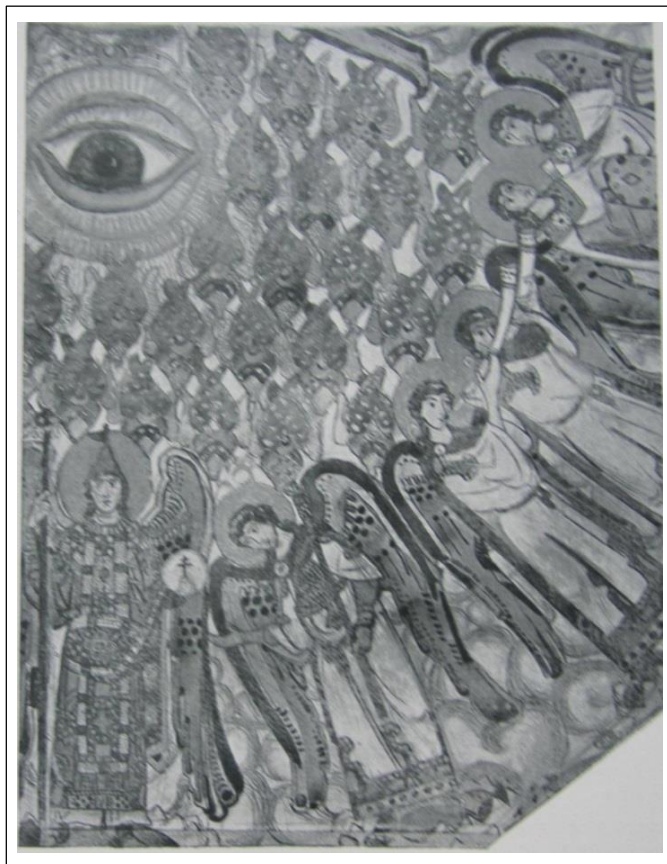
(Воспроизведено в журнале «Золотое руно». 1907. № 4)

Н.К. Рерих. Эскиз «Купол». 1906.

Н.К. Рерих. Деталь стенописи (жёлтое с серым).

Н.К. Рерих. Архангел 1906. (Собств. В.В. Голубева)

Н.К. Рерих. Часть росписи (голубое в жёлтом). 1906.

Эскиз стенописи (красное с серым). (Собств. В.В. Голубева.)

Н.К. Рерих. Часть росписи 1906. (Собств. В.В. Голубева.)

ОКТАБРЬ

*1 октября 1907 г. Франция.
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху*

GRAND HOTEL DU CHATEAU
Salies-de-Bearn (Basses-Pyrenees)

1 Октября, 1906.

Добрейший Николай Константинович,

Шретер пишет, что из Вены прибыло картин 64 штуки, Дягилев выбрал 18. а у Шретера осталось всего 53. Так как у меня взято 7 карт., а не 5. Идолы и Сокровище Ангелов Дягилев забраковал. Хорошо, что меня нет в Париже – воображаю, как Бенуа ломается над вашими картинами. Я, наверное, с ним дошла бы до драки!

Погода здесь более чем очаровательная, такая, какая у нас бывает в июне.

Я несколько раз думала, как было бы здесь хорошо вашим деткам, ванны эти страшно полезны для детей. Жизнь стоит гроши, а воздух бесценный, мы останемся здесь ещё недели две, княгине, моей дочери и мне пребывание в Salies оказало большую пользу.

Мне так надоели неприятности, что я предпочла не иметь дела с Дягилевым и К°, и отлично сознаю, что лучше отойти от дела.

Как я счастлива, что у вас всё идёт гладко, дай Бог, чтобы так долго продолжалось.

При случае, не сообщите ли мне фамилию и адрес того, кто переводил текст русского «Талашкино» на французский язык – о нём мне хорошо говорил Маковский, и может быть, он пригодился бы мне для моего издания музея.

Шлю Елене Ивановне сердечный привет, а вам дружески жму руку.

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1370, 2 л.

*2/19 октября 1906 г. Париж
Письмо Ю.Г. Шретера к Рериху Н.К.
(машинопись)*

РУССКАЯ ТРАНСПОРТНАЯ И КОММИССИОННАЯ КОНТОРА

Ю. Г. ШРЕТЕРЪ

Преемника Фирмы "МАРСЕРУ, ШРЕТЕР И Ко."

Основан. в 1892 году,

в ПАРИЖЕ, 26, ул. д'Отевиль.

AGENCE DE TRANSPORTS INTERNATIONAUX

Ancienne Maison, Schreter & Cie

J. SCHRETER, Successeur

26, Rue d'Hauteville, 26 - PARIS

Адреса для телеграмм: "**Marcheter**"

Париж, 19/2-го октября 1906 г.
Господину
Николаю Константиновичу Р Е Р И Х,
С.-Петербург. Морская, 88.

Милостивый Государь,
Вследствие Вашей почт. телеграммы от I-го с/м.:
"Просьба написать, какие картины будут выставлены".
Имею честь препроводить при сём список выбранным г-ом Дягилевым для
Выставки картин, и пребываю всегда готовый к услугам.
С совершенным почтением
(приписано ручкой)
Ю.Г. Шретер.

Внизу заметка карандашом рукой Н.К. Рериха:

Директор предлагает учащимся, желающим проход. полный курс
от орнам. до ... скульптуры/ у преподав. Р.Баха или у И. Андреолетти,
подписаться в соответственной графе.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1505, 1 л.

10 октября 1906 г.

Перестройка мостов и художники (Беседа с Н. К. Рерихом)

Как известно, город собирается перестроить некоторые столичные мосты
в целях приспособления их для трамваев.

Предназначены к перестройке Михайловский, Цепной, Чернышёв, Анич-
кин, Полицейский мосты.

Слух этот вызвал переполох среди художников и архитекторов, резуль-
татом чего было появление на днях в одной газете письма по адресу городско-
го головы, подписанного несколькими художниками и архитекторами.

Последние протестуют по поводу намерения трогать мосты, усматривая в
этом своего рода варварство.

Эти мосты отражают в себе целые эпохи, они отличаются архитектур-
ными красотами, и их надо не разрушать, а беречь...

Таково мнение художников, среди которых фигурирует подпись Н. К. Ре-
риха, директора школы Общества поощрения художеств и автора многих пре-
красных картин.

Мы нашли интересным лично поговорить по этому поводу с г. Рерихом...
- Это вопрос вопиющий, - сказал нам художник. - За последнее время город
только и делает, что разрушает старину... Недавно, например, взяли красивую
старинную решётку с Михайловского моста и свезли куда-то на буян... Куда-то

исчезли фонари с Николаевского моста. Не то их вовсе убрали, не то - собираются поднять, приспособив к трамваям.

Забывают, что это нарушит стиль моста.

Ещё лучше хотели поступить с Аничкиным мостом, убрав совсем конские фигуры и решётку...

К счастью, лошадей Академия художеств отстояла, а решётку я не знаю, какая постигла судьба.

В будущем собираются обезобразить и уничтожить ещё несколько памятников старины...

Дворцовый мост, например, хотят перестроить в декадентском стиле. Ничего нелепее нельзя и придумать.

Чудные здания Растрелли, в которые этот мост упирается, ясно указывают, какую задачу должен преследовать строитель моста.

У Инженерного моста тоже предполагено возвести самые прозаические постройки.

Между тем, этот уголок с его каналами и замком, чуть не единственный в Петербурге, сохранивший историческую физиономию.

Я не отрицаю, что непрочные мосты нужно ремонтировать, но разве нельзя при этом сохранить их архитектурные и исторически красоты?

- Почему вы думаете, что самая форма мостов будет уничтожена?

- Так говорят. Один мой знакомый говорил мне, что представил на днях в думу чертежи Цепного моста, считавшиеся утраченными. Он думал, что город воспользуется этими редкими чертежами при перестройке моста для сохранения его архитектуры. Но к крайнему его изумлению, ему сказали, что дума находит эти чертежи *недостаточно красивыми* и что есть более красивый проект моста.

Что касается Чернышёва моста с его красивыми башенками, то его находят узким, и на этом основании хотят совершенно уничтожить, заменив более широким.

Вполне соглашаясь, что этот мост перегружен, я не вижу необходимости его уничтожать.

Достаточно построить рядом второй мост, для ломовых извозчиков, и старый мост освободится от лишнего груза.

Почему всякое проявление культуры связано у нас с вандализмом? Почему, устраивая трамваи, нужно непременно разрушать красивую старину?

Ведь инженерное искусство стоит теперь на такой высоте, что может отлично применяться ко всяким требованиям...

По-моему, город просто поставил себе задачей нарушать старину, и если верно, что новые мосты будут строить разные «Батиньоли», то перед нами откроются совсем тёмные горизонты.

Станным нужно признать то обстоятельство, что художники-архитекторы не участвуют в проектируемых перестройках и постройках, а участвуют всё гражданские инженеры, которых нельзя признать компетентными в художественных вопросах...

- А Академия художеств, что говорит по этому поводу?

- Очевидно, проекты мостов ещё не были в Академии художеств, и она ещё не сказала своего окончательного мнения.

Полагаю, что и в строительном комитете проекты ещё не были, ибо я не допускаю, чтобы такой просвещённый человек, как профессор Султанов, стоящий во главе этого комитета, одобрил это варварство.

Вероятно, как городской голова, так и Академия художеств дадут художникам соответствующее разъяснение, и хочется думать, что дело ещё не так безнадежно, - закончил свой разговор с нами г. Рерих.

Р.

Петербургская газета. 1906. 10 октября. № 277. Вторник. С. 2.

13 октября 1906 г. Париж

Художественные заметки. XI

В Париже на Осеннем салоне открыта выставка русской живописи, организованная С.П. Дягилевым. Судя по отзывам французских газет, она имеет большой (и вполне заслуженный) успех. Это приятно отметить в ожидании подробных сведений от наших парижских корреспондентов.

Выставка задумана чрезвычайно интересно. Она представляет всю школу русской живописи в исторической последовательности, начиная с никитинского «Петра на смертном одре», с портретов Шибанова, Щукина, Матвеева, и кончая мятежными искателями последних лет: Врубелем, Рерихом, Мусатовым, Кузнецовым. И весь этот длинный ряд холстов выбран одним человеком, тонким, субъективным ценителем, смотрящим на эволюцию нашей живописи «глазами современников».

Неудивительно, что французы, знавшие русских художников только по большим международным выставкам, где всегда преобладали случайные «знаменитости» минуты, - поражены неожиданным «откровением» и рассыпаются в похвалах по адресу талантливого устроителя. Arsène Alexandre, в длинном отчёте на страницах «Figaro», говорит восторженно о значительности этой выставки Дягилева, познакомившего малоосведомлённую публику Парижа с «волнующими сокровищами» Боровиковского и Левицкого, с замечательными «по национальному акценту» работами Кипренского, Брюллова, Венецианова, с прекрасными портретами Репина и пейзажами Левитана, Якунчиковой, Рериха, Петровичева, Коровина, Юона, Анисфельда, Рылова, Богаевского и других «искателей острых ощущений и неведомых аккордов».

Автор статьи называет Малявина «riche et puissant» [*богатый и могущественный (фр.) – ред.*]. Щербова – пленительным рисовальщиком и юмористом. Сомова – тончайшим мастером, ясновидцем старинных идиллий, «то нежным, то комическим, то мечтательным», Врубеля – «создателем гигантских эпопей и горделиво-нервных грёз» и т.д.

Я не знаю, насколько следует верить искренности французского критика. В парижской печати слишком приняты... другие поводы для похвал. Но, во всяком случае, Arsène Alexandre – имя, и я не думаю, чтобы он стал так очаровательно восхищаться, если бы парижская публика оставалась равнодушной.

Сергей Маковский

Страна. 1906. 13/26 октября. № 185. Пятница. С. 5.

Каталог «Осеннего салона» 1906 г. в Париже.

Из архива Н.К. Рериха:

Список картин Н.К. Рериха, выставленных в «Салоне» 1906 г.

Tableaux exposés

- 1) Les deux variagues s'approchent.
- 2) La ville ancienne.
- 3) Chasseurs.
- 4) Combat. (peinture)
- 5) Les Idoles.
- 6) La fille du dragon
- 7) La marche de St.-Wladimir
- 8) Le conclève
- 9) Les Slaves au bord du Danube
- 10) Les Sorciers.
- 11) Archanges (aquarelle)
- 12) Verdure arbres (probablement bou-
leaux)
- 13) Les Barq (probablement baques) à (sur)
Volga.
- 14) Les Bouleaux (pastel)
- 15) Le Tzar.
- 16) Petite vignette (pro bablement
"Trompetten de Jéricho")
- 17) Esquisse fresque.
- 18) Le Combat (pastel).
- 19) Esquisse (peinture petite).

Перевод с французского:

- 1) Два варяга приближаются
- 2) Древний город
- 3) Охотники
- 4) Бой (живопись)
- 5) Идолы.
- 6) Дочь змея [Змиевна].
- 7) ... Св. Владимира
- 8) Владыки нездешние
- 9) Славяне на берегу Дуная???
- 10) Колдуны.
- 11) Архангелы (акварель)
- 12) [зелёные деревья]
- 13) Барки на Волге.
- 14) Берёзы (пастель).
- 15) Царь.
- 16) Маленькие миниатюры.
- 17) Эскиз фрески.
- 18) Бой (пастель).
- 19) Этюд.

Reçu de Vienne.....64 tableaux
Pris chez la Princesse Ténicheff..... 6 " le 28/9.
" " " " " 1 " le 28/9.
" " " " " 1 " le 1/10.
72 tableaux

Exposés.....19 "
Restent chez moi en magasin 53 tableaux.
[Подпись]

Отдел рукописей ГТГ. ф.488. 2 л.

Осень 1906 г.

Письмо Н.К. Рериха к Голубеву В.В.

Дорогой Виктор Викторович,

Уже несколько дней собираюсь писать Тебе, но всё откладываю по причинам, которые Тебе сейчас станут ясными. За наше знакомство у меня сложились такие хорошие чувства к Тебе лично, и к Твоим задачам и проникновению искусством, что мне больно огорчить Тебя. Но моё внутреннее сознание подсказывает мне, что иного выхода у меня нет.

Весною Ты просил меня сделать эскизы для абсиды и купола церкви в Твоём имении; я согласился и всю поездку по Италии, при всех осмотрах помнил, что мне надо сделать и хотел сделать Тебе что-нибудь получше.

Работа стала удаваться; Щусев, Кардовский, С. Маковский и другие, тонко чувствующие, стали говорить мне, что ещё никогда не выходило у меня вещей более сильных в религиозном стиле и цельных по торжественному впечатлению. Я радовался и мне хотелось сделать ещё лучше... Но тут приехал брат Твой Лев. Разрешил мне не переводить в деталях наш разговор, это слишком грустно и для Тебя, и для меня. Может быть я слишком избалован суждениями высочайших Особ и лучших наших людей, но разговор и мнения Твоего брата окунули меня в тёмную массу, далёкую от искусства, далёкую от прекрасного. Он, говоривший прежде иначе, почему именно теперь преисполнился такими купецкими воззрениями о заказчике и художнике.

Мне известны отношения Высочайших Особ при заказе Нестерову и Нечаева-Мальцова при заказе Васнецову и в том и в другом не было и подобия с суждениями Твоего брата. Обращаясь к художнику известному, можно думать, предполагают в нём хоть какую-нибудь компетентность в суждении о высоком и красивом и потому основание: «я плачу, а потому и требую служения моим вкусам» - не может быть применимо. Скажу одно, что брат Твой указывал мне делать вещи банальнее!! Все мои доводы и ссылки на лучших, на Анжелико, на Гоццоли и других, попали не по адресу. Если брат Твой сказал бы, почему я в ту минуту не говорил сильнее - то он должен знать, что в ту минуту я был бессилён - он был моим гостем.

Теперь, хотя эскизы просил меня сделать не он, а Ты, но я жду его энергичного вмешательства и прихожу к следующему выводу. Я сдаю Покровскому рисунок абсиды уже много конченный, с уничтоженными по настоянию Твоего брата Евангельскими символами, что к сожалению очень умалило цельность впечатления; но от обещания моего сделать и рисунок купола, сердечно прошу Тебя меня освободить. Купол может сделать и Перминов, кстати ему можно и «приказать». Бывают жизненные положения, в которых внутреннее чутьё подсказывает, что уступать - уже ниже человеческого достоинства. Не будем же предавать искусство, которое нам должно быть столь дорогим.

Не только право воспроизведения, но весь рисунок абсиды я передаю Покровскому, так как при испорченной концепции он не представляет для меня никакой цены и значения. Остальные рисунки «забракованные» Твоим братом, дорогие мне по своей цельности я с удовольствием оставляю себе.

Теперь Ты видишь, дорогой мой, почему мне тяжело писать Тебе это письмо. Ради Тебя я старался найти компромисса с искусством, но такая работа уже – работа постылая.

Прекратим это объяснение, одинаково тяжёлое для нас обоих. Бедному русскому искусству видно ещё долго придётся лежать на Прокрустовом ложе!

Неужели Ты этою зимою не приедешь в Петербург? У нас есть мысли и о новых, журналах, в которых редакторская и издательская часть нас, по счастью, минует. С. Конст. блестяще начал читать лекции в Школе – ему предстоит большой успех на этом поприще. Часто говорим о Тебе и чувствуем себя духовно всё ближе и ближе.

Поклон мой Твоей супруге. Искренно Твой

Н. Рерих

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/106, 3 л.

24 октября (ст.ст.) / 6 ноября [1906 г.]

Письмо В.В. Голубева к Н.К. Рериху.

Paris – 26. AVENUE DU BOIS DE BOULOGNE

Милый друг Николай Константинович,

В воскресенье показывал Родену твои картины в салоне. Он очень ими интересовался, много спрашивал про древние наши предания, о связи, которая существует между русской верой и русским искусством, о монастырях, сосновых борах, витязях. Был потом у кн. Тенишевой, говорили о тебе. Рад очень <...> об избрании тебя в societar'ы Салона.

Я надеюсь, что разногласие, возникшее между тобою и моим братом по поводу пархомовской иконописи, кончилось согласием. Мне надо непременно побеседовать с ним устно – он приезжает на днях – письма ни к чему не ведут. Когда увидимся в Петербурге, посвящу себя этому вопросу в полной степени, как твой друг и друг моего брата. Полагаю побывать в Петербурге ещё до января месяца, если же моя мать приедет сюда на свадьбу, то я отложу свою поездку до её возвращения в Петербург.

С удовольствием прочту лекции о венецианцах, на какую именно тему – сообщу своевременно. Во Флоренции, в «Deutsches Kunsthistorisches Institut» я читал о Якобо Беллини.

Сердечный привет тебе тебе и супруге от нас обоих

Твой

В. Голубев

6 Ноября н/с.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/716, 1 л.

24 октября 1906 г. Париж
Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху.

2, RUE OCTAVE FEULLET. PARIS

24 Октября 1906 г.

Добрейший Николай Константинович,

По приезде в Париж я изучила, как обстоит дело на выставке. Картины хорошо висят по той причине, что иначе сделать было нельзя, т.к. залы освещаются сверху. Что касается рецензий, Жанен сказал, что в маленьких газетах, где и он писал, не стоит стремиться помещать статьи. Есть три-четыре критика, которых мнение считается, и это прекрасно знают Дягилев, Бенуа и Бакст, и ими, конечно, давно завладели.

Я делала попытки узнать, нельзя ли просто им заплатить, но страшно наткнуться на подводную мину. Однако я ещё не остыла, слежу за теми, котор. уже высказались, и не упущу случай восстановить факты.

Относительно меня, вот в чём состоит ехидство: на выставке преспокойно стоят шкаф Малютина, какие-то столы и стулья и даже вещи <Троицевого> посада, не говоря уже о вышивках Якунчиковой. Я уже привыкла ко всяким мерзостям, только радуюсь, что не дала акварелей Поленовой, так как от меня им только это и надо было.

Прочитайте внимательно в Каталоге, который я вам посылаю, предисловие Бенуа, некоторые места в нём переворачивают душу от возмущения.

Одно лицо слышало на выставке, как Бенуа указывая на шкаф Малютина сказал: «Это новый тип тюрьмы для одиночного заключения для политических преступников!» Сами вывезли Малютина и сами же глумятся над ним!

Нет, лучше ничего о них не слышать, чем возмущаться и страдать за всех, как я это делаю.

Прошу вас передать мой привет Елене Ивановне. Будьте здоровы, желаю вам спокойствия души. Жму вашу руку.

Княг. М. Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1371, 2 л.

Илья Репин. Портрет М.К. Тенишевой.

25 октября 1906 г. СПб.

Хроника

Эскизы и кроки

На последнем художественном «понедельнике» много разговаривали по поводу открывшейся в Париже выставки, наполненные похвалами по адресу русских художников.

Любопытно, что о Репине всюду упоминается вскользь и гораздо меньше, чем о других наших художниках.

Из портретистов французская критика ставит на первое место Серова, Бакста и Кустодиева.

Некоторым нашим художникам французы оказали особую честь.

Гг. Сомов, Бакст, Грабарь, Рерих и др. художники избраны пожизненными «сошьетерами “Осеннего салона”».

Это значит, что их картины будут приниматься на выставки «Осеннего салона» без жюри.

Интересно, что Малявину отказали в этой чести, найдя его живопись грубой и устаревшей.

Петербургский обозреватель

Петербургская газета. 1906. 25 октября. № 292. Среда. С.3.

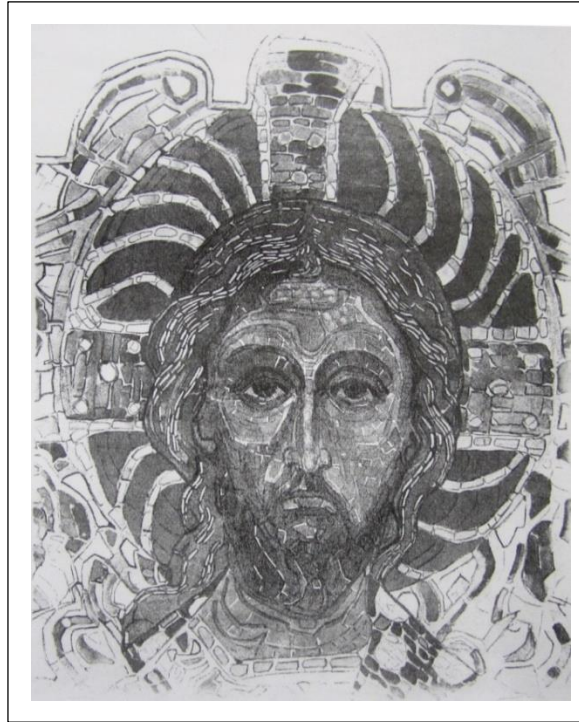
Н.К. Рерих. Архистратиг Михаил. 1906.
Эскиз мозаичной стенной вставки в церкви на Пороховых заводах.

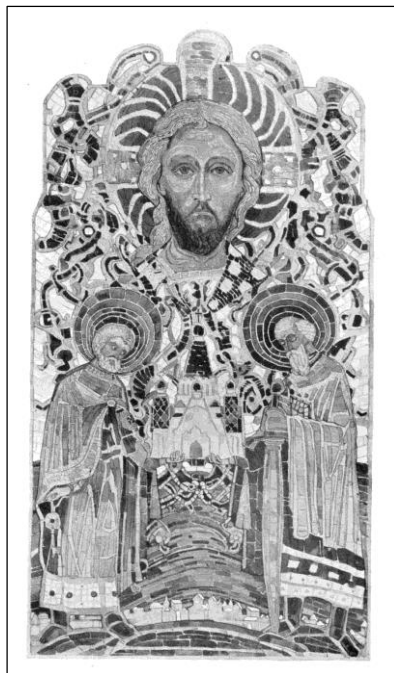
Церковь святых апостолов Петра и Павла на Пороховых заводах близ Шлиссельбурга.
Архитектор В.А. Покровский. Вид с северо-востока. Фото 1907.

Н.К. Рерих. Эскиз мозаики «Святые Пётр и Павел»
для церкви на Пороховых заводах под Шлиссельбургом. 1906.

1. Н.К. Рерих. Голова Спаса.

1.

1. Голова Спаса. Фото с эскиза для мозаики для церкви Апостолов Петра и Павла на Пороховых заводах близ Шлиссембурга. 1906.

2.

2. Мозаичный образ для церкви на Порохов. завод, близ Шлиссельбурга. 1906.

2. Мозаика церкви Петра и Павла на Пороховых заводах под Шлиссельбургом.

(Фотографии из архива Н.К. Рериха: ОР ГТГ, ф. 44/1660, 1733; 1736.)

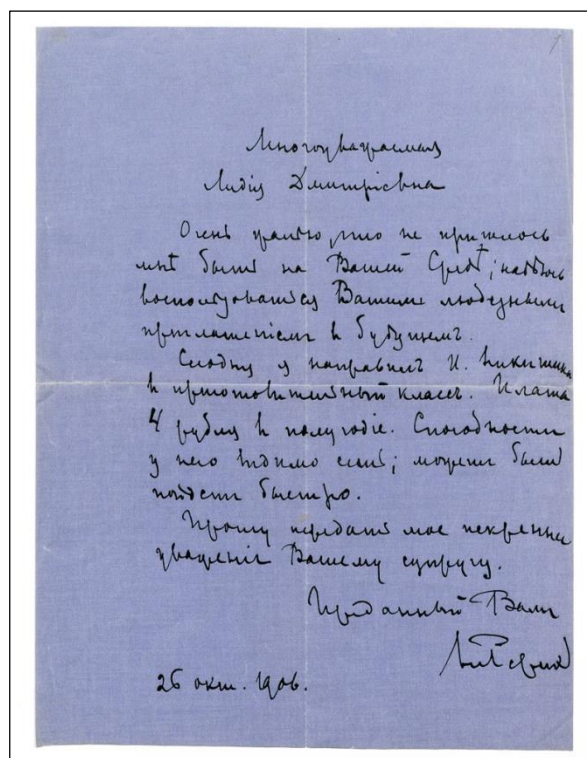
Н.К. Рерих. Лист из альбома (Св. Борис и Глеб). 1906.

Н.К. Рерих. Эскиз мозаики «Святые Борис и Глеб». 1906.
Мозаика для церкви Петра и Павла на Пороховых заводах под Шлиссельбургом.

26 октября 1906 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Зиновьевой-Аннибал Л.Д.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ
С.-Петербург, Морская 38

Ея Высочородию
Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал.

Многоуважаемая Лидия Дмитриевна

Очень жалею, что не пришлось мне быть на Вашей Среде; надеюсь воспользоваться Вашим любезным приглашением в будущем.

Сегодня я направил И. Никишина в приготовительный класс. Плата 4 рубля в полугодие. Способности у него видимо есть; может быть, пойдёт быстро.

Прошу передать моё искреннее уважение Вашему супругу.

Преданный Вам

Н.К. Рерих.

26 окт. 1906.

Таврическая ул. №25. кв. <64>

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 109-33-61, 2л